

Вильям Шекспир

Сонеты

*В переводе и с предисловием
Анатолия Либермана*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 82/821.111
ББК 84-5
Ш 41

Шекспир В.

Сонеты / Пер. с англ. А. Либермана. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 336 с.

ISBN 978-5-94457-221-9

Настоящее издание включает перевод всех 154-х сонетов Шекспира. История сонетов, личность их адресатов (прекрасного юноши и смуглой дамы) и борьба с поэтами-конкурентами послужили предметом бесчисленных исследований. Но события, вызвавшие к жизни эти стихи, давно утратили свою остроту. Осталась великая поэзия, и всё новые переводчики пытаются воспроизвести ее на своем языке, столь непохожем на английский язык конца XVI — начала XVII в. Неоднократно переводились сонеты и на русский: по частям и целиком, хотя лишь у полного свода, начатого и законченного одним человеком, есть малая надежда приблизиться к гениальному подлиннику. Автор предлагаемых здесь переводов стремился воссоздать нежность, страсть и горечь, наполняющие сонеты, нигде не впадая в сентиментальный тон, губительный для этих стихов. Шероховатости, недомолвки, гиперболы, повторы и далеко не всегда безобидные словесные игры остались; они призваны воспроизвести творческую манеру Шекспира.

Главное в русской версии сонетов — уйти от привычной образности, примелькавшегося словаря и традиционных рифм Золотого века русской поэзии. Немногочисленные подстрочные примечания объясняют темные места. Свой взгляд на сонеты и возможности их передачи на русском языке переводчик изложил во вступительной статье.

УДК 82/821.111
ББК 84-5

*В оформлении переплета использована картина
Микеланджело Меризи да Караваджо
«Юноша с корзиной фруктов» (1593)*

ISBN 978-5-94457-221-9

© А. Либерман, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анатолий Либерман. Взгляд на сонеты Шекспира</i>	7
<i>Вильям Шекспир. Сонеты</i>	27
Об авторе переводов	334

*Навстречу 400-й годовщине
со дня смерти Шекспира (1564—1616)*

ВЗГЛЯД НА СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

1. Сонеты в жизни их автора

Сонеты Шекспира — великая поэзия. Иначе их бы не стоило читать, изучать и тем более переводить на другие языки. Но тех, кто исписал о них тысячи страниц, чаще интересовали совсем другие вопросы. Исследователи пытались угадать, кто тот прекрасный юноша и та женщина, которых обессмертил Шекспир. Кстати, героиня последних сонетов (127—152) не была ни леди, ни смуглой (слово *lady* ни разу не встречается в стихах), а для ее цвета Шекспир избрал самое будничное прилагательное — *black* ‘черная’, что дало повод некоторым литературоведам, хорошо запомнившим сюжет «Отелло», заподозрить роман поэта с чернокожей — сюжет для нашего времени в высшей степени соблазнительный. И давным-давно царит смущение, в последние десятилетия сменившееся радостью: Шекспир был гомосексуалистом. Возможных кандидатов — и юноши, и дамы — обнаружили несколько, но установить ничего не смогли. Особенно плохо дело обстоит с дамой; ею и занимались несколько меньше. Самое позднее великое сочинение о прототипе юноши — новелла Оскара Уайльда «Портрет мистера W. H.».

Впервые сонеты были изданы отдельной книгой в 1609 году Томасом Торпом. На титульном листе стоят лишь инициалы, но личность издателя никогда не была тайной. Торп озаглавил книгу (в жалком формате кварто и более чем скромную на вид) «Сонеты Шекспира, никогда ранее не печатавшиеся» и снабдил титульный лист посвящением некоему мистеру W. H., который назван единственным *begetter* стихов. Именно это странное слово, которое я

оставил непереуверенным, и загубило дело. Begetter образовано от глагола beget 'быть отцом; порождать'; близко к нему и расширенное значение 'производить'. «Отцом, родителем, производителем» шекспировских сонетов был, разумеется, сам Шекспир, и многие думали, что W. H. — опечатка (должно было быть W. S.: William Shakespeare). Но получается глупо: издатель посвящает (или дарит, что совсем уже невероятно) книгу автору.

Полный текст посвящения таков: «Единственному (?) производителю нижеследующих сонетов, мистру W. H., обещанное нашим неумирающим [буквально: вечно живым] поэтом полное счастье и вечную жизнь желает, издавая [их], доброжелатель, искатель приключений Т. Т.». Это посвящение туманно не только из-за begetter. После каждого слова стоит точка; синтаксис (в переводе я его распрямил) путаный; непонятно, почему именно здесь Торп называет себя искателем приключений (авантюр, сенсаций, скандалов?); *вечно живой* звучит по меньшей мере странно по отношению к здравствующему автору. То, что я перевел как *вечная жизнь*, — это по-английски (в написании того времени) eternitie, то есть просто 'вечность'. Текст настолько косноязычен и претенциозен, что сочинить его Шекспир не мог ни при каких обстоятельствах. Несомненно лишь одно: некто, названный мистером W. H., в 1609 году был еще жив.

Восторжествовал взгляд, что W. H. — вдохновитель сонетов, хотя слово begetter можно понять в этом смысле только от отчаяния. Шекспир бесчисленное количество раз уверяет своего кумира, что тот будет обессмертен сонетами, но не сделал того единственного шага, который бы принес юноше славу в веках: не назвал его по имени. (Анонимна, разумеется, и дама.) Для подобного умолчания должны были быть веские причины. Когда Шекспир хотел, он имен не скрывал. В трех сонетах второго цикла (134, 135, 143) он обыгрывает свое имя, наслаждаясь дополнительными скабрёзными значениями слова will; похоже, что второго претендента на любовь дамы тоже звали Will. Возможно, существовал и третий Will; распутать этот клубок каламбуров не смог никто. Если begetter — действительно William, остается

только расшифровать вторую букву (H); погоней за William'ом H. и занимаются уже несколько веков.

Хочу повторить: новелла Оскара Уайльда — последнее великое сочинение в этом безнадежном жанре. Сочетание Willie Hughes, вычитанное из предполагаемых каламбурных намеков и легшее в основу новеллы, всплыло в критической литературе задолго до Уайльда, и не он придумал для своего персонажа профессию мальчика, игравшего женские роли в шекспировской труппе. Само собой разумеется, что Уайльд, досконально изучивший домислы своих предшественников, знал, как недостоверна его выдумка. Однако, став не только творцом великолепных парадоксов, но и их рабом, привыкнув всё на свете выворачивать наизнанку, он не мог отказаться от сочиненной интриги. Свидетельство тому — заключительная фраза новеллы. Лорд Альфред Даглас, злой гений Уайльда и в каком-то смысле ставший для него тем, кем был прекрасный юноша для Шекспира (но у Шекспира наваждение прошло, а у Уайльда осталось до конца, хотя в тюрьме он пытался бороться с ним), через много лет после смерти своего великого любовника написал не слишком выдающуюся книгу о сонетах. По его словам, Уайльд постоянно повторял ему, что убежден в правильности своей гипотезы. Утверждениям Дагласа надо верить с большой осторожностью, но в данном случае он, скорее всего, говорил правду.

Willie Hughes в списках актеров, игравших у Шекспира, не обнаружился, но это, как поясняет верный себе Уайльд, лишь доказывает правильность построения: ясно, что актер перешел в труппу соперника (отсюда и стихи об измене)! Чудом обнаруженный в новелле портрет неотразимого юноши — подделка, одно из самоубийств — фарс. Впрочем, другое самоубийство реально; игра, как всегда у Оскара Уайльда, ведется серьезно.

Сонеты писались почти недосягаемому идолу. Хотя знатность адресата в стихах не акцентируется, речь идет о человеке состоятельном, предмете всеобщего поклонения, великом представителе своего времени. Он знаменит и капризен (то приласкает, то отринет, как надоевший хлам); каждый его шаг в центре внима-

ния; его домогаются многие, в том числе поэты, ищущие знатных покровителей (лишь таких и искали) и, судя по всему, превзошедшие Шекспира не только в искусстве панегирика, но и в стихотворном мастерстве (изошренные модернисты). По нему можно судить о добродетелях и пороках поколения. Вечно бредя сквозь человеческий бурьян, он иногда и сам уподобляется сорняку, но эта потеря совершенства кажущаяся. Куда актеру, мифическому Вилли Хьюзу, вчерашнему подростку до этого кумира! Откуда у него мог быть такой жизненный опыт и как он стал магнитом, притягивающим все сердца? Для Шекспира же он сделался почти что языческим божеством.

Уайльд, конечно, заметил противоречия своей реконструкции, но упомянул только одно из них: если Шекспир так любит юношу (я подчеркиваю: мальчики играли женские роли, только пока у них не ломался голос, так что актерские успехи кумира должны были быть в прошлом, хотя и недалеко), то зачем он поначалу упорно советует ему жениться? Тут даже Уайльду не хватило изобретательности, и он придумал совершенно невероятное объяснение: речь якобы идет не о женитьбе, а о слиянии Вилли с шекспировской драмой. Ниже мы увидим, что, загнипнотизированный своей фантазией, Уайльд не заметил главного в первых семнадцати сонетах. Его новелла должна была навсегда отбить у охотников за призраками желание искать мистера W. H., но не отбила. У Вилли Хьюза есть защитники до сих пор.

Личность мистера W. H. неустановима. Может быть, он фантом, опечатка, фигура вроде сына подпоручика Киче, по слухам, похожего на отца. Если же человек с такими инициалами, знакомец Торпа, существовал, то полное счастье и вечная жизнь могли быть обещаны ему, а сонеты адресованы кому-то другому. Как не раз говорилось (и столько же раз опровергалось), для вельможититул мистер недостаточен; книги же не посвящались никому, кроме вельмож, и напомним, что поэты бились за место только под вельможным солнцем. Героиня женских сонетов и вовсе вне пределов досягаемости. От нее остались лишь бойкие пальцы, целующие клавиши верджиналя (род клавирина), тяжелая походка,

жесткие волосы, не то смуглый, не то темный цвет кожи, плохой запах изо рта (или пристрастие к чесноку) и почти неестественная тяга к мужчинам по имени Вилл, которых она всех одновременно или по очереди и осчастливила.

Поиски реальных людей, описанных в сонетах, не только бессмысленны, но и совершенно неинтересны. Что изменится, если мы узнаем их имена и найдем их портреты? Столь же безразлична нам половая ориентация Шекспира (в его время, да и много позже, тяга мужчин к мужчинам рассматривалась как привычка, а не как черта личности), но этот вопрос сложнее, и не только потому, что в переводе на русский надо постоянно выбирать между формами мужского и женского рода: *был* или *была*, *прекрасен* или *прекрасна* и т. п. С ним связана история сонетов.

Тот цикл, в котором Шекспир уговаривает неизвестного нам красавца жениться (1—17), сомнений не вызывает. Адресат — молодой мужчина и само совершенство; если он не женится, у него не будет сына, во всем ему подобного, и красота его со временем увянет. То обстоятельство, что может родиться дочь (а вслед за ней еще несколько дочерей) и что сын будет похож не на отца, а на мать, во внимание не принимается; герою нужно оставить в мире «отпечаток», «оттиск» самого себя (11). О взаимности речь не идет, разве что о некоей гармонии (8). Браки в верхних эшелонах общества обычно устраивались договаривающимися сторонами, и любая дочь должна была бы почесть за счастье, если бы ее клин был вспахан таким плугом (3). Что плугу может быть не совсем безразлично, по какому клину пройтись, тоже не входит в число обсуждаемых вопросов. Как следует из другой метафоры, есть сосуд, и его надо наполнить (5—6). Но с № 18 начинается любовная драма, которая заканчивается в № 126.

Никогда, ни в какое время никто не сомневался, что эти сонеты адресованы мужчине. Отсюда и героические усилия доказать обратное: невозможно же в самом деле допустить, что великий драматург, проникший во все тайны человеческой души, написал такие стихи не возлюбленной вроде Лауры, а чуть ли не мальчику. В елизаветинской Англии всё происходило «как у людей»:

мужеложество каралось смертной казнью и несмотря на это процветало и даже не особенно скрывалось. С приходом же на престол Иакова I (1603 г.) мужские романы стали нормой жизни и при дворе. Но, конечно, что позволено королю, не позволено его подданным. Среди прочего, за фразу, что только дураки не испытывают наслаждения от табака и мальчиков, Марло поплатился жизнью. Суды редко принимали к рассмотрению дела по обвинению в мужеложестве, если не был изнасилован малолетний, но осмотрительность не мешала. Дразнить гусей не следовало, как и на триста лет позже, во времена Оскара Уайльда, в чем тот и убедился на собственном горьком опыте.

Те, кто спасал и продолжает спасать нравственность Шекспира, обращают внимание на хорошо разработанный поэтами язык любви, в то время как канонического языка дружбы не существовало. А дружили мужчины издавна и крепко. Армия, союзы, партии, клубы, верность вождю — всё способствовало их духовному сближению. Долгое время в школу, не говоря уже об университетах, ходили только мальчики (юноши), делившие, кроме досугов, мыслей и дел, и ложе. Так, во времена Шекспира в Оксфорде спали по двое в одной постели. Юношеская дружба (вроде Лицейской) воспета многократно и заслуженно. Но одно дело — взявшись за руки, давать клятву на Воробьевых горах, а совсем другое — ночами лежать без сна, мучительно думая, с кем спит твой друг, называть его любимым мальчиком, ревновать, просить прощения за измену и называть себя его рабом. Пушкин любил Дельвига, но не томился по нему. Гомеровский герой был готов умереть за друга, но не стал бы бледнеть и гаснуть в его присутствии, а автор сонетов именно томится, бледнеет и гаснет. Он любит прекрасного юношу и любви своей не скрывает. Это обстоятельство несколько проясняет странные события, связанные с появлением того кварто.

Насколько мы можем судить (хотя по этому вопросу, как и почти ни по какому другому, связанному с биографией Шекспира, нет единого мнения), сонеты сочинялись в последние десятилетия XVI века и в начале XVII. Почти не вызывает сомнения, что

к 1609 году все или почти все они были сравнительно давно написаны. Театр Шекспира процветал, а сам он разбогател. Точно известно, что издание сонетов не принесло ни ему, ни Торпу ни денег, ни славы (а ранние его поэмы пользовались большим успехом). Нет причин, по которым Шекспир должен был бы ждать долгое время, прежде чем вручить свой сборник Торпу. В ту эпоху многие поэты даже противились изданию своих стихов и предпочитали знакомить их лишь с близкими и надежными людьми. У Шекспира имелись причины противиться широкому распространению сонетов, ибо никто не принял бы их за дневник «чистой мужской дружбы». Понадобилось ханжество почти четырех веков, чтобы набросить на один из величайших романов в мировой литературе покрывало пуританской благопристойности.

Ничего хорошего печатание сонетов Шекспиру бы не принесло, а посвящение их реальному (высокопоставленному?) адресату вызвало бы грандиозный скандал. Но самиздат бесконтролен. Кому-то Шекспир показывал собрание, кто-то его списывал (кое-какие сведения на этот счет до нас дошли), и один список, видимо, попал к Торпу. Это, конечно, гипотеза, одна из тех, у которой есть ярые сторонники и столь же ярые противники, но она представляется вероятной. Текст кварто полон нелепейших опечаток; Шекспир явно не держал корректуры. В современные альбомы сонеты, кроме известных по более ранним спискам, не попали. Посвящения он, конечно, не пропустил бы, даже если Mr. W. H. — фантом, изобретенный для отвода глаз. Именно тогда, когда вышла книга, Шекспир уехал из Лондона в Стратфорд (такое путешествие занимало двое суток), чтобы в судебном порядке востребовать весьма скромный долг (похоже, что не востребовал; во всяком случае, ответчик не явился). Подобный отъезд напоминает замаскированное бегство. Сохранилось необычно малое количество экземпляров того кварто (тринадцать). Не исключено, что кто-то позаботился скупить и уничтожить тираж или что он был изъят. Всё это не слишком убедительные косвенные улики. Тем не менее напрашивается вывод, что издание было пиратским, достойным «любителя приключений (авантюра, скан-

далов)» Торпа. Когда уже после смерти Шекспира сонеты были, наконец, переизданы, новый издатель кое-где заменил *он* на *она* и исправил некоторые формы обращения. Уж он-то бы не поверил разговорам о мужской дружбе.

Была придумана еще одна уловка для обеления Шекспира. Предполагалось, что сонеты никакого отношения к реальному Шекспиру не имеют и даже посвящены разным лицам, причем, по крайней мере, первые семнадцать якобы сочинены по заказу. Обе части этой гипотезы невероятны. Все, даже Уайльд, поверили, что цикл начинается с искренних советов молодому красавцу жениться. Не следует принимать этот камуфляж всерьез. Шекспира, как уже говорилось, не интересовала жена адресата (будущий клин и сосуд) и тем более его семейная жизнь. Главная тема всех сонетов, вплоть до 126-го — Время (в XVII веке и позже прописные буквы служили для эмфазы, для выделения того или иного слова, и их использование было непоследовательным, но в том кварто *Time* 'время' везде дано с прописной буквы). Время не щадит никого, красота юноши померкнет, и ее необходимо сохранить в сыне. (Не из шекспировской ли иступленной борьбы со временем вырос частично эстетизм Уайльда и «Портрет Дориана Грея»?)

Роман только начался. Шекспир будто входит в холодную воду и не уверен, сможет ли погрузиться глубже. Менторский тон и увещевания о благах мужского потомства позволяют скрыть чувство автора и готовят тыл для возможного отступления. И вдруг (вроде бы совсем не к месту) заключительные строки 15-го сонета: «Но Времени я дал открытый бой: / Цветя в стихах, ты будешь сам собой». В 16-м впервые появляется более откровенная эротическая метафора и раскованный каламбур (значит, можно уже было позволить себе небольшую фамильярность), 17-й — безудержный панегирик, а дальше будто плотину прорвало. Ясно, что никто и не собирался жениться (и Шекспир это, конечно, знал), но поначалу необходимо было узнать реакцию юноши. Тот, как следует из дальнейшего, проявил благосклонность.

Немыслимо и предположение, будто в сонетах звучит голос не Шекспира, а некоего лирического героя. Конечно, Шекспиру

ничего не стоило сочинить «роман в сонетах» между двумя мужчинами; только зачем бы он стал это делать? И не лирический герой восклицает в гневе: «Я — это я» (121)! Пьесы писались ради дохода, а любовь была «не для продажи» (21). Но использовать сонеты как основу для биографии Шекспира не следует. Слишком много в них непроясненных мест. Шекспир женился, когда ему было восемнадцать лет, а его беременной невесте — двадцать шесть. Обстоятельства, связанные с этим браком, известны плохо. Вскоре после свадьбы родилась дочь; позже появились на свет близнецы: мальчик и девочка. В 1596 году мальчик умер. Многократно повторяя, какое это счастье иметь в старости сына, Шекспир мог думать о своей утрате, но ему бы в любом случае хватило воображения расцветить общее место (сын — это наследник; без него угаснет род). Он с тоской говорит, что и возлюбленный, и «смуглая леди» значительно моложе его, а сам он стар и некрасив. Даже если сонеты в сборнике расположены в авторском порядке (а никакие попытки перетасовать их не привели к убедительному результату), цикл, обращенный к даме, был, скорее всего, написан раньше, чем тот, которым открывается кварто (1—126), но и первые семнадцать, видимо, довольно ранние. К началу драмы Шекспиру могло не быть и тридцати, а адресатам — шестнадцать с чем-то (смуглая дама, похоже, замужем), так что разговоры о морщинах и дряблой коже сильно преувеличены.

В молодости Шекспира тянуло к женщинам. В какой-то момент появилась героиня второго цикла. Любовный треугольник (если он один и тот же) упомянут в обоих циклах: 40—42 и 133—134, 139, 144. Встреча с прекрасным юношей полностью изменила жизнь Шекспира: женщины стали ассоциироваться у него с развратом, а мужчины — с любовью. Кажется, что изменился и его характер. Из независимого человека (в той мере, в какой мог быть независим человек его сословия) он превратился в раба своего кумира. Невыносимо читать, как он благодарит друга за то, что оба они — одно целое, так что, если тот спит с его любовницей, значит, втроем они образуют союз, и пусть он заберет всех его любовниц (или любовников) — не жалко: был бы хозяин счаст-

лив. «Любовь — лишь то, что ты постановил» (57), «Вассал лишь исполняет приказанья» (58). Надо полагать, что женщины всегда имели над Шекспиром огромную власть. И в руках у презируемой смуглой дамы он безвольная игрушка. Из случайных проговорок следует, что в прекрасном юноше он тоже обожествлял именно женское начало, то, которому он покорялся, страдая. Юноша похож на свою мать (3), он герой и героиня страстей поэта (мужчина, прекрасный, как женщина, но лишенный женских пороков — 20), да и соблазн в нем, как в Еве (93). Как бы ни склонен был Шекспир к мазохизму, встреча с тем юношей усилила черты, свойственные ему от природы, и лишила его воли. 126-й сонет — конец всему. Что было дальше, мы не знаем. Скорее всего, ничего не было.

Как ни комбинирую строчки сонетов, убедительной реконструкции не получить. Поразителен любовный треугольник. Допустим, тот юноша и вправду был образцом совершенства: красив, умен и знаменит. Неудивительно, что Шекспир пал перед ним ниц. Но тому-то зачем понадобился «пожилой» обожатель из низкого сословия, пусть и широко известный автор стихов и драм? Это для нас Шекспир — чудо природы, а тогда... Если у вельможи была содержанка, с ее стороны было бы безумием открыто изменять ему с актером. А если у Шекспира была любовница вроде той дамы, спавшая чуть ли ни с кем попало, то не вельможе было отбивать ее. В пьесах Шекспира найдены десятки фраз, встречающихся в сонетах, но нет ни одного отзвука его личной драмы (разве что темнолицая Розалина в «Напрасных усилиях любви» и совет шута в «Короле Лире» не доверять любви мальчика).

Так, может быть, не вельможа? Но тогда бы не стали домогаться его милости другие поэты (79—80, 82—83, 86). По крайней мере, на время они оттеснили Шекспира. Их поиски, не вполне безуспешные, тоже заполнили сотни страниц. Ясного ответа, разумеется, нет. Шекспир постоянно жалуется, что его стихи старомодны, что соперники его опередили и что другие хвалят покровителя (возлюбленного) выпреннее и ловчее, а он и в риторике слаб, и говорит просто, нелестиво — всё, как есть. Это он-то?! Но, как бы ни складывались отношения поэтов, гото-

вых перегрызть друг другу горло в борьбе за пирог, невозможно себе представить, чтобы такие сонеты были известны тому, кому они адресованы, хотя обмен дневниками вроде бы происходил. Получать изо дня в день стихи, в которых приближенный говорит: «Ты всех прекрасней, ты такой красавец, каких свет не видал; пока ты не родился, на земле не было красоты; все красавцы, включая Адониса, — ничто по сравнению с тобою; все твои прочие достоинства столь же огромны; я грязь у тебя под ногами: доставляй мне боль — мне от этого только радость», — да кто же такое выдержит? Что, кроме брезгливости, могут вызвать похвалы, расточаемые в лицо в столь неумеренном количестве? А другие хвалят еще бойчей?

Естественно предположить, что и восторженные сонеты, и сонеты о любовном томлении остались у автора в столе. Первые же семнадцать, если принять их за чистую монету, выглядели бы как величайшая бестактность, будто процветающий аристократ, обладатель таких достоинств, сам не знал, что ему пришла пора жениться, а если ему были нужны мужчины, а не женщины, то рекомендации звучали бы вдвойне оскорбительно. Еще невероятней, чтобы Шекспир предал гласности сонеты, в которых он скорбит об испорченности героя и о гнусности окружающей жизни. Что же до смуглой дамы, то она-то уж точно не знала о существовании сонетов: за несколькими исключениями они так откровенно непристойны, что он мог их читать только на потеху очень близким друзьям мужчинам: одному Виллу, другому, третьему...

Тот юноша в жизни Шекспира, скорее всего, был. Но не опозитивировал ли Шекспир многие события, не превращал ли случайно брошенную улыбку в торжество любви, не возводил ли свои отлучки в разлуку и измену? Он остро ощущал свое низкое происхождение и лицедейство (оттого и купил в конце жизни герб), и ему не так уж много надо было, чтобы птицей взлететь к небесам. Существовала и смуглая дама, им помыкавшая, но ей не требовалось хранить ни реальную, ни полумистическую верность. Таковы сонеты. Биографии из них не соткешь. А автобиографий в те времена никто не писал.